

Филипп Канцлер наследует Гильому Оксер-рскому, ученые усилия Иоанна (Жана) из Ла-Рошели и других после него будут опираться на усилия Филиппа, Альберт Великий многое почерпнет из писаний Иоанна из Ла-Рошели. Так, следуя друг за другом, критикуя и дополняя один другого, эти люди определяют план той работы, которую вскоре выполнит св. Фома Аквинский.

Публикация еще не изданных произведений этих теологов может в скором времени скорректировать перспективу, однако пока самым крупным именем среди ученых начала XIII столетия остается Гильом Овернь-ский*. Он родился примерно в 1180 г. в Орияке, был профессором теологии в Париже, в 1228 г. посвящен Григорием IX в епископы Парижа (отсюда происходит его второе имя — Гильом Парижский); Гильом умер в 1249 г., оставив после себя значительное теологическое наследие, которое является живым, оригинальным и весьма поучительным свидетельством о состоянии дел в ученом мире в ту эпоху. Для истории философии наиболее интересны его трактаты «О первоначале» («De primo principio»; ок. 1228), «О душе» («De anima»; 1230) и «О Вселенной» («De universo»; между 1231 и 1236). Позиция, которую он занимал на пороге XIII века, вызывает неодолимое желание видеть в нем некоего предвестника, однако наряду с безусловно истинными положениями у него были и иллюзии. Своей манерой мышления и стилем Гильом принадлежит концу XII столетия — он выражает несколько платоническую и августи-нианскую реакцию на арабскую философию; о ней в этом веке еще никто не знал, за исключением Гундиссалина, у которого не хватило времени оценить ее.

Гильом писал не в целях преподавания. Свободная от всяких диалектических и педагогических ограничений, его манера речи не столько ораторская, сколько разговорная, и поэтому мы так хорошо его знаем. Живой, одухотворенный, порой саркастичный при обсуждении идей, он дает нам понять, если мы этого

еще не знаем, что хорошо умеет выбирать вина: Анже, Сен-Пурсен и Оксерр— вот три его любимых напитка; из них достаточно знать два, чтобы довериться и третьему. К тому же он прекрасный рассказчик разных историй. Из них все знали по крайней мере одну — ту, которую «епископ парижский Гильом» поведал Людовику Святому, а тот рассказал ее Жуан-виллю, от которого мы и узнали о ней; там речь идет о магистре теологии, который не мог поверить в таинство алтаря** «так, как учит об этом святая Церковь». Наконец, это француз, и можно даже попытаться заключить отсюда, что он — человек XII века. Конечно, было бы преувеличением сказать, что XII век был французским веком. Но в нем царили два француза

Абеляр и Бернад Клервоский, первая из
тех пар братьев-врагов, которые мы встречаем
во все поворотные моменты французской мыс
ли. Например, это также Декарт и Паскаль.

Один из такой пары обращал страсть сердца
на службу разуму, другой — светлый разум на
службу религиозному чувству. Разумеется,